

УДК: 93/94

DOI: 10.25629/НС.2023.04.02

АД, ЧИСТИЛИЩЕ, РАЙ В СОЧИНЕНИЯХ ЧЕШСКИХ КАТОЛИЧЕСКИХ АВТОРОВ ПЕРИОДА РЕКАТОЛИЗАЦИИ

Белова Н.Р.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования в данной статье становятся представления о загробном мире, содержащиеся в чешскоязычных текстах XVII–XVIII вв. и предлагаемые католическими авторами простым верующим. Рассматривается специфика религиозной ситуации в Чешских землях в эпоху после поражения чешских сословий в битве у Белой горы (1620 г.), когда по инициативе Габсбургов в стране была начата всеобщая и насильственная рекатолизация, которая предполагала возвращение некаатолического населения в лоно католической церкви, а также активную миссионерскую и проповедническую деятельность с целью углубления внутреннего благочестия. В статье рассматриваются образы Ада, Чистилища и Рая, воспроизводимые католическими проповедниками, затрагиваются вопросы о географии загробного мира, о посмертной судьбе человека, о том, как он мог попасть в Рай, а за какие грехи должен был быть осужден на Ад или Чистилище. Автор делает вывод, что комплекс представлений о загробном мире служил важным инструментом воздействия на прихожан, что было особенно важно в условиях обособления конфессий и проведения рекатолизационной политики. Образы Ада служили для устрашения прихожан, страх перед Преисподней должен был заставить людей соблюдать нравственные нормы и церковные предписания. Представления о Чистилище, с одной стороны, также устрашали верующих, а с другой – внушали надежду на спасение, что делало картину мира раннего Нового времени более оптимистической. Образ Рая в католической литературе был наименее детализирован, описания блаженства праведников могли служить побуждением к отказу от греха и ведению благочестивой жизни. Анализ представлений о загробном мире позволяет сделать вывод о специфике рекатолизации, которая была ориентирована не только на борьбу с некаатолическими учениями, но и на углубление религиозности всего католического населения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

рекатолизация Чешских земель, Контрреформация, католическая реформа, побелогорский период, католическая церковь, барокко.

ВВЕДЕНИЕ

Представления о посмертном существовании человека и загробном мире, тесно связанные с очень важной для христианина проблемой – проблемой спасения, являются одним из важнейших элементов христианской картины мира. В данной статье будут рассмотрены образы Ада, Чистилища и Рая, представленные в сочинениях чешских католических авторов побелогорского периода, т.е. эпохи после поражения чешских сословий в битве у Белой горы в 1620 г.

Прежде, чем переходить к анализу католических представлений о загробном мире, необходимо кратко обозначить процессы, которые не могли не оказать влияние на становление побелогорской религиозности.

Реформация, ставшая вызовом для католической церкви и повлекшая за собой Контрреформацию и католическую реформу, привела к утрате конфессионального единства. Перед католиками и протестантами встала необходимость обособления своей конфессии, что потребо-

вало более глубокого усвоения верующими основ вероучения и установления большего контроля над религиозным сознанием населения. В Чешских землях после битвы у Белой горы была начала всеобщая и насильственная рекактолизация, инициаторами которой выступили Габсбурги. Рекактолизация оказалась долгим и сложным процессом. Даже после того, как к 1680-м гг. официально все население Чешских земель либо перешло в католицизм, либо покинуло страну, в государстве остались тайные некактолики [15, S. 274], могла распространяться протестантская литература, что привело ко второй волне рекактолизации в начале XVIII в.

На развитие католической религиозности раннего Нового времени огромное влияние оказал также Тридентский собор, закрепивший основные католические доктрины. Побелогорская рекактолизация представляла собой не только насильственное насаждение католической веры, но и активную миссионерскую и проповедническую деятельность, направленную на углубление внутреннего благочестия всего населения. Деятели рекактолизации, в особенности орден иезуитов, выступали в качестве проводников тридентского католицизма, стремились к укоренению в сознании верующих определенных представлений и подчинению их жизни нравственным и религиозным нормам.

ЦЕЛЬ

В рамках данной статьи важно проанализировать, какие представления о спасении и смертной судьбе католические авторы внушали своей пастве, на каких образах они акцентировали внимание, рисуя картины Ада, Рая и Чистилища. Все это позволит понять, какую картину мира пытались сформировать у верующих деятели побелогорской эпохи и даст более глубокое понимание феномена рекактолизации.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ БАЗА

Проблема рекактолизации Чешских земель слабо разработана в отечественной историографии, что обуславливает новизну данного небольшого исследования. Чешские же историки в последние десятилетия активно занимаются проблематикой, связанной с религиозной жизнью эпохи барокко, в том числе и особенностями представлений католиков и протестантов побелогорского периода о грехе и спасении, о жизни после смерти и загробном мире [3, 13, 15, 16].

В качестве источников для данной статьи были выбраны чешскоязычные сочинения побелогорского периода, которые, в отличие от латинских трактатов, были ориентированы на широкие массы населения. Авторы, чьи произведения были проанализированы в данной статье (Матей Вацлав Штейер, Матей Виерий, Антонин Кониаш, Бедржих Бридел, Валентин Бернанд Естржабский) сами занимались миссионерской и проповеднической деятельностью, что говорит о понимании ими того, каким образом католические доктрины должны объясняться простым верующим, какая аргументация для них наиболее убедительна [подробнее об этих авторах: 5, 7, 8, 11, 12, 18]. Если говорить о хронологических рамках, то деятельность Штейера, Виерия, Бридела пришлась на первую волну рекактолизации, эти авторы имели дело с обществом, в котором сначала значительную, потом небольшую часть составляли некактолики. Сочинения же Естржабского и Кониаша относятся к первой половине XVIII в., когда официально все население Чешских земель уже принадлежало к католической церкви. Важно подчеркнуть при этом, что все авторы обращались в своих текстах ко всем мирянам, а не только к некактоликам, которых необходимо было вернуть в лоно католической церкви. Так, одна из книг Матей Виерия носит название «Жизнь князя Христослава, из которой *каждый* (курсив мой – Н.Б.) христианин очень хороший пример, предостережение и научение себе взять может...» [20]. Матей Вацлав Штейер определяет свою постиллу не только как «лекарство для души против яда ереси», но как «духовное успокоение», «побуждение к поиску и сохранению истинных добродетелей, относящихся к христианской жизни» [17, Předmluva]. Это подтверждает мысль о том, что побелогорская рекактолизация предполагала не только формальное обращение некактоликов, но и рекактолизацию внутреннюю, формирование осознанного, глубокого благочестия у всех верующих.

АД

Начать исследование представлений о посмертном существовании человека следует с образа Ада, поскольку он был гораздо лучше и детальнее разработан в католической литературе, нежели образ Рая. В 1676 году в Праге была издана книга «Вечная адская темница» [21], представлявшая собой перевод одноименного итальянского сочинения иезуита Джованни Баттиста Манни [14], выполненный иезуитом Матеем Вацлавом Штейером, проповедником, автором нескольких сочинений и одним из создателей Святовацлавской Библии. Название этой книги гласило, что она написана для «спасительного страха и устрашения всех безбожников». Как итальянское, так и чешское издание было снабжено гравюрами с изображением Преисподней и горящих в адском пламени грешников, призванными внушить читателю страх перед адскими муками. Однако образы Ада встречаются не только в специальных сочинениях, посвященных загробной жизни или вопросам спасения, но и в проповедях и мистической литературе.

География Преисподней редко подробно описывается авторами побелогорского периода, этот вопрос интересует их гораздо меньше, нежели мучения, ожидающие обреченных на вечное проклятие. При описании Ада авторы обращаются к библейским образам, а также представлениям, сформировавшимся в раннехристианских и средневековых текстах. Например, Естржабский обращается за примерами к «Жизнеописаниям отцов» (*Vitae Patrum*) – сочинению, приписываемому Иерониму Блаженному, Матей Виерий и другие авторы часто ссылаются на труды Августина и Фомы Аквинского.

В «Вечной адской темнице» Ад представлен как тюрьма, заточение в которой длится вечно, а наказания неисчислимы и постоянно повторяются [21, S. 3 – 4]. Образ Преисподней как темницы встречается также у Антонина Кониаша, знаменитого чешского иезуита первой половины XVIII века («Стоит та темница, двери настезь открыты, душа моя измучена, я обезумел от страха» [9, S. 558]; «Осматривая эту темницу, вижу бездонную пропасть... А на дне той темницы разливается огненное море» [9, S. 559]).

Огонь является обязательным элементом описания Ада. Образ пламени, которое поглотит грешников, встречается еще в Откровении Иоанна Богослова («а диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков» (Откр. 20:10)), описание адского огня повторяется практически во всех сочинениях, посвященных Аду. В «Различных видениях простого селянина» Валентина Бернарда Естржабского предлагается несколько описаний преисподней. Сначала Ад представлен в виде огромной пропасти, «из которой вырывалось грозное пламя и высоко вздымалось: и это пламя человеческие души, как искры, ввысь взметало, и потом они падали вниз» [6, S. 295]. Обращаясь к сочинению немецкого проповедника Готшалка Холлена, Естржабский описывает Ад как огненную долину, полную смолы, серы и олова [6, S. 296].

Преисподняя может быть также представлена в виде огненной печи, в которой мучаются души грешников [6, S. 298, 300]. Подобный образ встречается как в Ветхом, так и в Новом Завете («Во время гнева Твоего Ты сделаешь их, как печь огненную; во гневе Своём Господь погубит их, и пожрёт их огонь» (Пс. 20:10), «пошлёт Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 13:41-42)).

Несмотря на наличие адского пламени, в Преисподней царит мрак. Антонин Кониаш писал, что в Аду вечная ночь, темнее любого земного мрака [9, S. 559]. Силезский иезуит Матей Виерий в мистическом сочинении «Невеста Христова» так обращается к читателю: «Гот, кто пребывает в гневе, ходит во мраке Ада, пребывает в смерти, он убийца и сын дьявола, и будет иметь дело с убийцами и чертями в адском пламени» [19, S. 342].

Характерными чертами внешнего облика Преисподней являются также вопли страдающих там душ и зловоние. В «Вечной адской темнице» отдельные главы посвящены страшным крикам и смраду, которые будут вечно окружать томящихся в адской темнице грешников. Читатель должен в подробностях вообразить себе то, что описывается в книге. Важно отметить, что

размышление было важной частью иезуитского благочестия, которое проповедники из Общества Иисуса предлагали не только членам ордена, но и простым верующим. Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов, в «Духовных упражнениях» писал о необходимости представить себе Ад, «услышать упреки, плач и вопли, предание проклятию Иисуса Христа и святых Его», «почувствовать запах дыма, серы, разложения и гнили» [26, С. 65].

Мучения, ожидающие грешников в Преисподней, интересуют католических авторов гораздо больше, чем география Ада. В «Вечной адской темнице» описаны не только заточение или пытки грешников огнем, но и более изощренные наказания. Например, солдат, который много грабил при жизни, сидит на огненном коне с привязанным к шее огненным щитом и держит огненную козу, потому что однажды силой отнял козу у одной бедной женщины [21, S. 15]. Могущественного, но жестокого пана черти жарят на огне, предварительно содрав с него кожу и натерев его солью [21, S. 14]. Преследуя в своих сочинениях морализаторские цели, католические проповедники стремились сделать воспроизводимые ими образы максимально понятными и близкими простым верующим, для чего часто прибегали к примерам из обычной жизни. Так, Штейер сравнивает заточение в Преисподней с обычным тюремным заключением, показывая, насколько дольше и страшнее будет наказание после смерти [21, S. 2-3]. «Духовные упражнения» предлагали при размышлении об Аде также «внутренне ощутить горькое – слезы, скорбь и угрызение совести» [26, С. 65], однако по большей части католические авторы писали о физических страданиях, описания которых сильнее воздействовали на сознание простого населения.

Важная мысль, транслируемая в литературе побелогорской эпохи, – необходимость постоянно размышлять о Преисподней и адских мучениях. Например, одна из глав «Вечной адской темницы» называется «Полезно размышлять о муках Ада» [21, S. 313]. В «Духовных упражнениях», ставших основой иезуитского благочестия, размышления об адских муках выделены в качестве отдельного упражнения (пятое упражнение). Матей Виерий в сочинении «Невеста Христова» описал день благочестивого католика, который предполагает постоянное размышление о грехе и спасении («Можешь размышлять и о смерти, и о Суде Божиим, и об Аде, и о Небе. Можешь вспоминать о своих грехах и жалеть о них; о плохих склонностях и укрощать их» [19, S. 242]). Постоянное напоминание о преисподней и необходимость ежедневно думать об ожидающих согрешившего человека мучениях не могли не внушать читателю или слушателю проповеди страх перед Адом. Устрашение людей с помощью преувеличения их вины и греховности получило название «пастырство страха». Этот способ воздействия на прихожан сформировался ещё в Средние века и активно использовался в католической гомилетике. В средневековой культуре сформировалась доктрина *contemptus mundi* или «презрение к миру», ставшая основой многих произведений [22, С. 15]. Католические авторы раннего Нового времени также активно прибегали к устрашению своих читателей или слушателей, чтобы добиться соблюдения верующими религиозных и нравственных норм.

Страх перед Адом связан также с тезисом о трудности спасения, характерном для католической культуры. С точки зрения авторов побелогорского периода, вероятность того, что человек попадет в Ад, гораздо выше, чем возможность достижения Царства Небесного. Штейер в «Вечной адской темнице» предлагает человеку размышлять следующим образом: «...я это уже тысячу раз заслужил; ведь если только за один смертный грех человек может быть отправлен в Ад, я, который тысячу грехов совершил, должен справедливо бояться того, что попаду туда» [21, S. 148]. М.А. Корзо, на польском материале исследовавшая образ человека в проповеди XVII в., выделила обращение к прихожанам, как к потенциальным обитателям Преисподней, в качестве характерной черты католической проповеди раннего Нового времени [24, С. 66].

Кто же и за какие грехи, согласно авторам побелогорского периода, отправляется в Ад? На вечные муки в преисподней могут быть осуждены все грешники, совершившие смертные грехи или просто ведущие несправедливую жизнь. В «Различных видениях простого селянина» описано видение одной женщины, которой была показана ее мать, горящая в огненной печи. Обращаясь к дочери, она сетовала на то, что при жизни не считала похоть, прелюбодеяние и пьянство грехами и теперь расплачивается за свою грешную жизнь [6, S. 298 – 299]. Ссылаясь на Готшалка

Холлена, Естржабский также помещает в Ад королевских советников, призывавших к войне, князей и панов, которые при жизни вели войны и пролили много крови [6, S. 296]. Естржабский предлагает даже иерархию грешников: люди, совершившие один смертный грех, страдают в Аду меньше, чем те, кто грешил больше и радовался телесным и мирским удовольствиям. Наконец, «которые же совершили великие грехи и в них умерли, не покаившись как следует, те попадают в самые глубины Ада, прямо к Люциферу» [6, S. 295]. К таким грешникам Естржабский относит, например, Иуду Искариота. Интересно, что к грехам, связанным с тягой к удовольствию и, соответственно, несправедливым образом жизни, автор относится наименее терпимо и уделяет им много внимания. В книге отдельные главы посвящены, например, «похотливой и бесстыдной» молодежи (видение IV), поведению в кабаках и на танцах (видение V), пьянству (видение VI). В условиях побелогорской рекатолизации это может быть связано со стремлением подчинить нравственным нормам повседневную жизнь прихожан.

В связи с рекатолизацией особый акцент в католических текстах побелогорского периода делается на представителях некатолических конфессий. Например, Матей Виерий именуется все некатолические вероучения «вратами ада», ключами, «которые открывают людям двери в ад» [20, S. 378]. Этот образ изначально взят из знаменитого фрагмента Евангелия от Матфея («на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата Ада не одолеют её» (Мф. 16:18)). Виерий акцентирует внимание на том, что он называет «адскими вратами» не человеческие грехи или происки дьявола, а именно некатолические «секты», поскольку через них легче всего попасть в Ад. Спасение вне католической церкви, согласно авторам побелогорского периода, невозможно, т.е. даже благочестивая жизнь не дает некаталикам доступ к вечному блаженству в раю («Кто от церкви христианской католической отлучен, как бы хорошо и достойно он ни жил, за тот самый грех, что от единства Христова отделился, не будет иметь вечной жизни» [20, S. 400]; «Господь будет выбирать избранных своих, хоть и из всех народов, но не так, как ты это понимаешь. Не из всех вообще народов (ибо есть народы, не знающие Бога живого и истинного), но из всех христианских католических народов» [20, S. 176]). Заострение внимания на некаталиках характерно прежде всего для сочинений XVII в., когда рекатолизация еще не была завершена. Естржабский же, например, обращается к грешникам в целом, его интересует несоответствие религиозных и нравственных норм, которое не позволяет достичь спасения.

ЧИСТИЛИЩЕ

Посмертная судьба человека кажется невероятно мрачной и безрадостной, однако проповеди католических авторов побелогорского периода были призваны не только устрашать, но и вселять надежду. Возможность спасения, пусть и не сразу, давала вера в Чистилище, куда отправлялись люди, умершие без смертного греха, но совершившие небольшие прегрешения, не позволяющие им попасть в Рай [17, S. 998 – 999]. Необходимость веры в Чистилище была подчеркнута на Тридентском соборе и прописана в изданном в 1566 г. Римском катехизисе. Декрет о Чистилище, принятый на XXV сессии Тридентского собора, повелевал «епископам тщательно заботиться о том, чтобы христиане веровали, соблюдали и учили и повсюду проповедовали здоровое учение о Чистилище, переданное святыми Отцами и Соборами» [27, С. 194].

География Чистилища, как и география Ада, описывается католическими авторами по-разному. У Валентина Бернарда Естржабского Чистилище представлено в виде широкой долины, на одной стороне которой горит нестерпимый огонь, а другая покрыта льдом. Души грешников постоянно переносятся с одного конца долины в другой, не в силах вынести сначала ужасного жара, а потом нестерпимого холода [6, S. 290 – 291]. Католические проповедники достаточно много внимания уделяли пламени Чистилища и его свойствам, они подчеркивали, что это пламя похоже на огонь, горящий в Аду, т.е. гораздо сильнее любого земного огня [1, Předmluva]. В постилле Матея Вацлава Штейера Чистилище описано как некий остров, недалеко от которого из земли вырывается пламя, в котором горят души грешников [17, S. 997]. В «Различных видениях простого селянина» находим также описание Чистилища как черной зловонной реки, которую по мосту пытаются перейти души. Праведникам это удастся, грешники же падают в темные воды [6, S. 291]. Этот образ взят Естржабским из «Диалогов» папы Григория Великого.

Важный тезис, который нельзя не упомянуть, говоря о Чистилище, заключается в том, что души страдают там не меньше, чем в Аду, разница лишь в конечности этих страданий и возможности через какое-то время достичь спасения. Бедржих Бридел, чешский иезуит, известный поэт и писатель эпохи барокко, в своем сочинении, посвященном Чистилищу, подчеркивал, что там «такие же тяжкие муки, как и в Аду, с той лишь разницей, что в чистилище они длятся только определенное Богом время, и когда это время выйдет, они закончатся, в Аду же они не будут иметь конца» [1, Předmluva]. Как и Преисподняя, Чистилище населено чертями и различными чудовищами, например, Валентин Бернад Естржабский описывает, как черти гнали души грешников к огню и на нем жарили их, как гусей [6, S. 292].

Французский историк Жак Ле Гофф назвал рождение идеи Чистилища в католической культуре ментальной революцией [25, С. 6]. Если до этого человек мог повлиять на свою посмертную судьбу только при жизни, следуя нравственным нормам и церковным предписаниям, то с появлением веры в «третье место» появилась надежда на спасение даже для грешника. Благочестивое поведение, своевременное раскаяние в своих грехах при жизни, а также молитвы родных за усопшего позволяли человеку, минуя Ад, пройдя через муки Чистилища, достичь вечного блаженства в Раю. Кроме того, вера в Чистилище позволяла людям изменить судьбу умерших родственников, эта идея становилась для проповедников инструментом воздействия на живых, которые должны были, с одной стороны, молиться за томящихся в Чистилище, а с другой, – сами избегать греха и следовать церковным предписаниям. В постилле Матея Вацлава Штейера описано, как черти в Чистилище жалуются, что молитвами и подаванием благочестивых христиан души часто освобождаются от их власти или облегчают свои страдания [17, S. 997].

Помощь душам в Чистилище вменялась в обязанность каждому благочестивому католику. Тридентский Собор призывал заботиться, чтобы «поддержка, которую живые верные обыкновенно оказывают усопшим, т.е. жертвоприношение Месс, молитвы, милостыня и иные благочестивые дела, совершались благоговейно и благочестиво согласно установлениям Церкви» [27, С. 194]. Средствами, которые могли помочь душам в Чистилище, посвящались специальные труды, например, в книге «Защитник душ, находящихся в Чистилище» Бедржих Бридел рассказывает о множестве способов смягчить участь страдающих там грешников, приводит примеры молитв, которые могут оказать им помощь. Помимо заказанных живыми месс, молитв, подавания и поста [1, S. 1006], т.е. благочестивого поведения, помочь душам быстрее освободиться из Чистилища могло заступничество святых, к которым обращались родные умершего. Культ святых был одной из важнейших составляющих тридентского католицизма, декрет Тридентского собора гласил, что «благотворно и полезно со смирением призывать их в молитвах и прибегать к силе и помощи их молитв ради обретения благ от Бога через Сына Его Иисуса Христа» [27, С. 195].

Участие в судьбе усопших давало живым возможность повлиять на собственную посмертную участь. Так, в постилле Матея Вацлава Штейера рассказана история о богатом грешнике, много денег тратившем на мессы за усопших. Однажды он проходил мимо дерева, на котором висели части тела четвертованного преступника. Неожиданно они собрались воедино, мертвец сел на коня, поскакал вперед, и в него несколько раз выстрелили. Вернувшись, он сообщил ошеломленному грешнику, что принял на себя его судьбу и дает ему шанс исправиться в благодарность за заказанные им мессы [17, S. 1006].

РАЙ

Образ Рая гораздо менее детально был представлен в католической литературе. В «Различных видениях простого селянина» Валентин Бернад Естржабский привел несколько описаний рая, ссылаясь на Григория Великого и легенду о Варлааме и Иосафате, взятую в данном случае из сочинения Антуана д'Аверу [4]. Рай представлен в виде «роскошных, вечнозеленых лугов, украшенных благоухающими цветами», на которых «собралось множество людей в белых одеждах» [6, S. 302]. Этот образ праведников не нов, он взят из Откровения Иоанна Богослова («После сего взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесть,

из всех племён, и колен, и народов, и языков, стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих» (Откр. 7:9)).

Естржабский писал о множестве праведников, увиденных простым селянином в Раю. Но кто мог, согласно католическим сочинениям, достичь Царства Божьего? С одной стороны, авторы побелогорского периода часто высказывают мысль о том, что возможность спасения есть у каждого католика, и говорят о бесконечном милосердии Бога, дающего шанс на покаяние и спасение всем грешникам («...всякую надежду имей на доброту и милосердие Божие, зная, что твой возлюбленный Бог больше заботится о твоём спасении, чем ты сама можешь» [19, S. 102–103]). В «Невесте Христовой» душа обращается к Богу с такими словами: «Я зашла далеко, ибо подошла к вратам Ада, но Ты сделал, чтобы они меня не проглотили. Теперь хвалю и славлю тебя, своего Благодетеля, ибо Ты меня из Ада не единожды, а тысячу раз изволил вырвать. И однако я и потом туда рвалась. Но ты меня всегда выводил. И справедливо бы меня тысячу раз проклял, если бы хотел, но Ты не хотел, потому что слишком любишь людские души и отпускаешь людям грехи ради их покаяния» [19, *Modlitba Nábožné Duše k Bohu na zřísob předmluvy*]. С другой стороны, для католической культуры характерна идея о трудности спасения. Католические авторы апеллируют к знаменитой притче о брачном пире, где сказано: «ибо много званых, а мало избранных» (Мф. 22:14) или к образу узкой и тесной дороги, ведущей в Царство Небесное, в отличие от широкой дороги в Ад («Возлюбившие Крест идут на небеса по царской дороге, но не без крестных мук и боли; и не могут быть без страданий на этой дороге узкой и тесной» [19, S. 66], «Широко открыты врата и широка дорога, ведущие к проклятию, и много людей проходит через них» [21, S. 6]). Этот образ не является изобретением барочной литературы, он взят из Нагорной проповеди («Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7:13-14)) и Евангелия от Луки («подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти, и не возмогут» (Лк. 13:24)). Кажется, что представление о трудности спасения и идея о том, что Бог дает каждому католику шанс удостоиться Царства Небесного, должны противоречить друг другу. Однако осуждение большинства людей на пребывание в Аду или Чистилище рассматривается как их собственная вина, как результат их нежелания вести благочестивую жизнь и преодолевать собственную греховность, ведь человек «может небесного града Иерусалима одной исповедью, причастием и молитвой достичь, но не хочет; но предпочитает через долгие и непоправимые муки чистилища идти на Небо» [19, S. 105].

Райского блаженства можно достичь только «великим трудом, умерщвлением плоти, борьбой со злыми искушениями, следованием Божьей воле и усердными молитвами» [6, S. 103]. Все помыслы человека должны быть обращены к Богу, человеку следует избегать греха, вести благочестивую жизнь, со смирением преодолевать все трудности («От начатой службы Богу не отступайте, с дороги спасения не сходите, <...> того, что могло бы вас отдалить от Небесного Иерусалима, не допускайте» [10, S. 354]). Именно поэтому Рай описывается как место, где праведники отдохнут от земных трудов («...каждую трудность мы должны хорошо переносить, поскольку через них достигнем Отдыха, Радости и Славы, которые никогда не утратим» [10, S. 858]). Антонин Кониаш сравнивает спасение души с освобождением из темницы [10, S. 191]. Радость и слава, которые получают удостоившиеся спасения – еще одни важные элементы образа рая («Господь наш Иисус Христос, который придет судить живых и мертвых, покажи нам всем Свою святую милость, чтобы мы здесь исправились и покаяние за свои грехи совершили, а потом Его второго пришествия радостно ожидали и тогда вечной радости достигли» [17, S. 6]; «Служить Богу на земле значит царствовать на Небесах» [10, S. 668]).

Таким образом, католические проповедники не только устрашали прихожан, но и стремились внушить им надежду на спасение, для достижения которого была необходима благочестивая жизнь и следование правилам католического вероучения. Р. Чемус назвал это «антропологическим оптимизмом», т.е. верой в способность каждого человека научиться понимать волю Божью и направлять все силы для большей славы Божией [2, S. 38].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении отметим, что, рисуя в своих сочинениях образы Ада, Рая и Чистилища, католические авторы побелогорского периода часто обращаются к представлениям, сформировавшимся в библейских или средневековых текстах. Однако, встречаются и детали, связанные с рекатолизацией, например, частое упоминание представителей не католических конфессий. Католические проповедники в данном случае выступают глашатаями тридентского католицизма, закрепившего сложившиеся в Средние века основы католического вероучения. Сочинения католических авторов должны были укоренить в сознании верующих доктрины, установленные Тридентским собором.

Однако в рамках данной статьи важны не столько теоретические взгляды католических авторов, сколько их стремление внушить прихожанам определенные представления, установить контроль над повседневной жизнью и образом мысли людей, чего требовала политика рекатолизации. Французский историк Жан Делюмо показал, что в раннее Новое время усиливается страх перед Адом [23, С. 59]. Во многом этому способствовала активная проповедническая и миссионерская деятельность, воздействующая на мысли и эмоции людей. Закреплению определенных образов в сознании верующих должны были способствовать размышления, которые благочестивый католик должен был практиковать каждый день.

Однако только «пастырство страха» не могло привести к углублению внутренней религиозности общества. Католические авторы стремились найти баланс между страхом и надеждой, для них не характерен совершенный пессимизм. Важным инструментом воздействия на население стала вера в Чистилище, дававшая возможность смягчить участь уже умерших и повлиять на собственную посмертную судьбу. Рассмотренные в статье образы позволяют говорить об ориентации рекатолизационной политики на все население, а не только на не католиков, судить о рекатолизации как о процессе, направленном прежде всего на формирование более глубокого, осознанного благочестия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Bridel Bedřich. Zástupce Dussj Zůstáwagjých w Očistcy, Rozličnými wzbuzenjami, a mocnými prostředky, z rozličných Spisowatelů wybranými: Pro které, a kterými pomocy by se jim mohlo, a mělo. Praha: Jezuitská tiskárna, 1674.
2. Čemus R. Úvod do kapitoly: Ignác z Loyoly a jeho spiritualita // Bohemia Jesuitica 1556 – 2006. T. 1. Praha: Univerzita Karlova, Nakladatelství Karolinum, 2010. S. 37 – 47.
3. Církev a smrt. Institucionalizace smrti v raném novověku. Praha: Historický ústav AV ČR, 2007.
4. Dauroultius. Flores exemplorum. Köln, 1624.
5. Encyklopedie řádů, kongregací a řeholních společností katolické církve v českých zemích. D. 3, sv. 4: Řeholní klerikové (jezuité) / Milan M. Buben. Praha, 2012.
6. Jestrábský Valentin Bernard. Vidění rozličné sedláčka sprostného. Opava: v Jana Šindlera, 1719.
7. Kalista Z. České baroko: Studie, texty, poznámky. Praha, 1941.
8. Kalista Z. Matěj Vierius (1634 – 1680) // Česká literatura. R. 17. 1969. Č. 5. S. 474 – 505.
9. Koniáš Antonín. Cytara Nowého zákona, prawého Boha w předrahých Krystowé wjry tagemstwjch, a w swatých gehu ljbospěwně oslawugjý. Praha: v Jgnácya Prussy, 1752.
10. Koniáš Antonín. Weytažnj Naučenj, A Weykladowé, Na wssecky Nedělnj y Swátečnj Epistoly, Též Ewangelia Celého Roku. Hradec Králové: v Wáclawa Tybély, 1740.
11. Malura J. K charakteristice baroka v české literatuře // Česká literatura. Vol. 53, no. 3. 2005. S. 383 – 388.
12. Malura J. Vojtěch Martinides a Matěj Vierius – jezuitská meditativní próza ve znamení vizualizace sensualismu // Jezuitská kultura v českých zemích. Brno, 2018. S. 233 – 253.

13. Malý T. Smrt a spása mezi Tridentinem a sekularizací (Brněnští měšťané a proměny laické zbožnosti v 17. a 18. století). Brno: Matice moravská, 2009.
14. Manni Giovanni Battista. La prigione eterna dell'inferno. Venetia: Per Bartolo Tramontino, 1666.
15. Mikulec J. Náboženský život a barokní zbožnost v českých zemích. Praha: Grada, 2013.
16. Navrátilová A. Narození a smrt v české lidové kultuře. Praha: Vyšehrad, 2004.
17. Šteyer Matěj Václav. Postylla Katolická na dvě částky rozdělená Nedělnj a Swátečnj. Praha: w Impressy Universit: Carolo-Ferdinandea w Kollegi Towaryšstwa Pána Gežjsse v Swatého Klj-menta, 1691.
18. Svatoš M. Jezuitské Elogium P. Antonína Koniáše, Szersznikův Bio-Bibliografický Medailon a Jeho Vliv Na Misionářův Obraz v České Literární Historii // Listy Filologické / Folia Philologica. Vol. 125, no. 1/2. 2002. S. 33–51.
19. Vierius Matěj. Choť Krystowa aneb Dusse Nábožná hledagjcy swého Milého, Pána nasseho Gežjsse Krysta, gakož napomjná Jzaiáss řka; Hledegtež Pána, když může nalezen býti. Praha: v Daniele Michálka, 1680.
20. Vierius Matěj. Christoslaus aneb život Kristoslawa knížete, z něhož každý křestianský člověk welmi pěkný příklad, weystrachu a naučení sobě wzýti může. Praha: w Impressy Akademické Towaryšstwa Gežjssowa bljž Mostu, skrze Jana Kasspara Muxle, 1689.
21. Wěčný Pekelný Žalář, Aneb Hrozné Pekelné Muky, Obrazy a Příklady. Praha: v Swatého Klj-menta bljž Mostu, w Carolo-Ferdinandské Impressy, 1676.
22. Делюмо Ж. Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII – XVIII века). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003.
23. Делюмо Ж. Историк и его религия // Французский ежегодник 2004: Формы религиозности в XV – начале XIX вв. М., 2004. С. 56 – 75.
24. Корзо М.А. Образ человека в проповеди XVII века. М: ИФРАН, 1999.
25. Ле Гофф Ж. Рождение чистилища. М: АСТ Москва, 2009.
26. Св. Игнатий Лойола. Духовные упражнения. Духовный дневник. М: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006.
27. Тридентский Собор: каноны и декреты. СПб.: Католическая высшая духовная семинария «Мария – Царица апостолов», 2019.

HELL, PURGATORY, HEAVEN IN THE WRITINGS OF CZECH CATHOLIC AUTHORS DURING THE PERIOD OF RECATOLIZA

Belova N.R.

Lomonosov Moscow State University

ABSTRACT

The subject of research in this article is the notion of the afterlife contained in the Czech-language texts of the 17th–18th centuries. and offered by Catholic authors to ordinary believers. The specificity of the religious situation in the Czech lands in the era after the defeat of the Czech estates in the Battle of the White Mountain (1620) is considered, when, at the initiative of the Habsburgs, a general and violent re-Catholicization was launched in the country, which involved the return of the non-Catholic population to the bosom of the Catholic Church, as well as active missionary and preaching activities in order to deepen inner piety. The article discusses the images of Hell, Purgatory and Paradise, reproduced by Catholic preachers, touches upon questions about the geography of the afterlife, about

the posthumous fate of a person, about how he could get to Paradise, and for what sins he should have been condemned to Hell or Purgatory. The author concludes that the complex of ideas about the afterlife served as an important tool for influencing the parishioners, which was especially important in the context of the isolation of confessions and the implementation of the re-Catholic policy. The images of Hell served to intimidate the parishioners, the fear of the Underworld was supposed to force people to comply with moral standards and church prescriptions. The idea of Purgatory, on the one hand, also frightened the believers, and on the other hand, inspired hope for salvation, which made the picture of the world of early modern times more optimistic. The image of Paradise in Catholic literature was the least detailed; descriptions of the bliss of the righteous could serve as an incentive to renounce sin and lead a pious life. An analysis of ideas about the afterlife allows us to draw a conclusion about the specifics of re-Catholicization, which was focused not only on combating non-Catholic teachings, but also on deepening the religiosity of the entire Catholic population.

KEYWORDS

re-Catholicization of the Czech lands, Counter-Reformation, Catholic reform, Pobelogorsk period, Catholic Church, baroque.